

В.А. Дорофеев

Историко-социологический анализ процесса воспроизводства жизненных сил казачества

Процесс социального возрождения казачества, на наш взгляд, может быть в значительной степени объясним с учетом одного из методологических принципов Э. Дюркгейма. «Если даны способ, которым объединяется народ в какой-то момент его истории, состояние его цивилизации в эту же эпоху, – отмечал французский социолог, – то отсюда вытекает социальная организация с тем или иным признаком, точно так же, как свойства физического тела вытекают из его молекулярного строения» [1, с. 269] (выделено мной. – В.Д.). Эта идея ученого достаточно полно была верифицирована в контексте структурно-функционального и системного анализа во многих социологических работах. Причем выделенные нами фрагменты по сути образуют некую синхронную структурно-функциональную социальную систему (подсистему). Остается вопрос: как же происходит изменение различных способов объединения социознческих общностей с течением времени?

Наряду с идеей Э. Дюркгейма, относящейся к характеру и форме социологических изменений, полагаем также принципиально важным принять во внимание закон сохранения запаса исторических сил Н.Я. Данилевского, который вполне применим для объяснения внутренних сущностных сил, участвующих в этих изменениях. При этом, говоря о неравномерности развития различных народов, он подчеркивал особую значимость сохраняемого потенциала жизненных сил у их некоторой части.

В своей известной работе «Россия и Европа» он писал: «Расположившись на границах области распространения своего племени, эта запасная часть его часто вливает свою кровь, свою жизнь, свой дух в чуждые инородческие племена, в соседстве и даже вперемежку с которыми она

живет, – мало-помалу уподобляет их себе и таким образом составляет обширный запас сил, как бы политический и культурный резерв, который в свое время явится на выручку своих аванпостов, когда в них станет иссякать внутренний источник жизни или сломят их внешние бури» [2, с. 371–372].

Заметим, что Н.Я. Данилевский широко пользовался понятиями «жизненные силы», «племенная этнографическая энергия» и др.

В настоящей статье предпринимается попытка проведения структурно-тетерохронного анализа процесса социального воспроизводства жизненных сил сибирского казачества, его базовой организационной структуры – Сибирского казачьего войска. В начале предполагаемого анализа, очевидно, следует выделить эволюционные этапы трансформирования форм социальной организации и характера социально-правовых взаимоотношений сибирского казачества с институтами государственной власти российского общества. За основу такой эволюционной модели можно взять, вероятно, варианты создания исторической концепции развития Сибирского казачьего войска, предложенные, например, В.А. Шульдяковым, А.И. Ивониным, Ю.Г. Недбаем, В.А. Копыловым, В.П. Милухиным, Ю.А. Фабрикой и др.

Существенной особенностью подходов наших современных ученых-историков к изучению проблем казачества, по нашему мнению, является попытка проведения своих исследований не в узкоисторическом аспекте, а в более широком – социальном. Об этом, в частности, могут свидетельствовать их активные поиски в выявлении социального положения, функций, статуса казаков в различные хронологические периоды, интерпретация результатов качественного и статистичес-

кого анализа данных разнообразных историко-географических источников. Так, например, В.А. Шульдяков предложил следующее определение предмета своего исследования: «Сибирское казачье войско – это особое, исторически сложившееся государственное учреждение Российской империи, имевшее собственную территорию, управление, военную организацию, систему учебных заведений и хозяйственные структуры, которое существовало в XIX–начале XX вв.» [3, с. 47–63]. Казачье население войска классифицируется им как «отдельное войсковое сословие».

Примечательной является спонтанно выраженная Шульдяковым идея гетерохронного характера процесса становления Сибирского казачьего войска. По его мнению, генетически ядро сибирского казачества восходило к городским казакам Западной Сибири XVII в., но войско как таковое было сформировано в следующие полтора столетия целым рядом разновременных, вызывавшихся военной необходимостью распоряжений центральной власти из совершенно разных источников людских ресурсов. Им подчеркивается полиэтнический характер этого войскового сословия. Это была, с его точки зрения, сложная, динамически развивавшаяся совокупность различных субэтносов (как локальных местных, так и перемещенных осколков неместных) русского суперэтноса с вкраплением других этносов. Он также выделяет ряд факторов, повлиявших на недостаточную прочность и целостность формирования единого сословного самосознания сибирских казаков. К числу таких факторов им отнесены: молодость войска, полиэтничность его состава, географическая разбросанность его территории и тесные контакты казаков с неказачьим населением, капитализация России (с 1860-х гг.), сопровождавшаяся размытием сословных рамок и нарастанием миграционных процессов.

В качестве критериев периодизации истории Сибирского казачьего войска Шульдяков избрал:

- 1) основные функции войска;
- 2) его организацию и расположение;

- 3) воинскую повинность казаков;
- 4) роль хозяйственных занятий;
- 5) отношение собственности;
- 6) социально-культурную дифференциацию войскового сословия;
- 7) степень сословной обособленности казаков.

Можно заметить, что критерии, выделенные историком, достаточно социологичны и во многом аналогичны тем основным социальным признакам, которые выделены в настоящей и ряде других статей при описании казачества как объекта социологического исследования.

В своей работе В.А. Шульдяков обосновывает семь основных этапов развития Сибирского казачьего войска. Не комментируя их описание, отметим лишь их хронологические рамки и краткую характеристику.

I этап – «героический», или «доисторический» (конец XVI–начало XVIII вв.).

II этап – пограничный, или предыстория войска (1715–1808 гг.).

В XVIII в. сибирские казаки попадают в «ежовые рукавицы» русско-немецкой бюрократии (выделено мной. – В.Д.) Первое насильственное расказачивание – в эпоху Петра I. Срок службы – «доколе в силах». Запрещается выход из казачьего сословия.

III этап – военно-колониционный, или военно-поселенный этап (1808–1861 гг.). Возникновение Сибирского линейного казачьего войска.

IV этап – время реформ, первый шаг к раскрепощению (1861–1881 гг.). 5 марта 1861 г. войско впервые получило официальное название Сибирского казачьего войска. Реформы эпохи Александра II были шагом на пути размытия сословных рамок и дали толчок естественно-историческому расказачиванию, т.е. процессу постепенного разложения казачества как военно-служилого сословия докапиталистической России (подобно раскрестьяниванию крестьянства как тяглового сословия), но не как субэтнического образования.

V этап – период застоя, консервации сословности (1881–1917 гг.). Эта эволюция

превратила казака-воина в «военного крестьянина». За 17 предреволюционных лет казаки испытали сильное военное перенапряжение. Сибирское войско мобилизовалось три раза (в 1900, 1904 и 1914 гг.), пережило две больших войны (японскую и мировую). Казаки наряда 1900 г. проводили на службе, в том числе и на фронте, до 9 лет.

Расслоение сибирского казачества шло по разным линиям:

имущественной (богатые-средние-бедные);

земельно-правовой (землевладельцы и крупные арендаторы-рядовые общинники-«иностаничники»);

возрастной (отцы-дети);

по уровню образования (интеллигенция-полуинтеллигенция-малокультурная масса) и др.

Анализ материальных противоречий казачьей жизни показал, что в целом возникшие социальные противоречия разрешались в форме переплетения разнонаправленных тенденций, которые отразились на политическом поведении казачества в период революций и гражданской войны.

VI этап – эпоха великой смуты, гибель войска и сословия (1917–1922 гг.). Основные подэтапы:

а) март 1917–январь 1918 гг. – время мирного противоборства в войске двух основных политических течений:

«староказиков» и «новоказиков» (или «трудовых казаков»). Оба течения имели выборные представительные учреждения во главе:

«староказики» – Войсковое правительство и станичные и поселковые правления, а «трудовые казаки» – Войсковой совет казачьих депутатов строевых частей и комитеты в самих частях. Облик социального конфликта выразился в противостоянии между «фронтом» и «тылом», «детьми» и «отцами»;

б) январь–начало июня 1918 г. – время, когда Совказдеп, арестовав Войсковое правительство, попытался провести в войске революционные преобразования. В мае большевики вводят продовольственную

диктатуру, усиливается противостояние казаков с разночинцами, произошло восстание чехословацкого корпуса. Казаки отворачиваются от советской власти, социальная база Совказдепа резко сужается;

в) июнь 1918–ноябрь 1919 гг. – время Гражданской войны, участия Сибирских казачьих строевых и самоохранных частей в боевых действиях, внутривойсковых контрреформ и, наконец, гибели войска с приходом Красной Армии;

г) 1920–1922 гг. – время массовых восстаний казаков на территории войска против системы военного коммунизма и период боевых действий сибирских казачьих частей, отступивших на восток.

VII этап – постисторический, угасание самосознания и культуры (1922–1945 гг.). За этот период исчезла не только культурно-психологическая, но даже природно-ландшафтная среда, в которой формировались когда-то сибирские казаки. Дольше всего хранили традиции и историческую память Сибирские казачьи землячества («станции») в эмиграции: в Харбине, Шанхае, Сан-Франциско, Австралии. В 1945 г. «СМЕРШем» в Харбине были разгромлены Войсковое представительство и самое крупное землячество, после чего угасает деятельность и прочих.

Таким образом, В.А. Шульдяков включил в предмет своего исследования временной период истории сибирского казачества только до 1945 г. Вероятно, этот вариант периодизации казачьей истории может быть нами использован в качестве эмпирических данных для проведения структурно-гетерохронного анализа. Ранее уже была предложена таблица, отображающая параллельный ряд хронологических этапов развития российской государственности и форм социальной организации казачества.

Причем в данном случае мы намерены прибегнуть к методу дополнения имеющейся диахронической модели третьим параллельным рядом, содержащим временные этапы развития сибирского казачества.

Наша идея и методологический подход к изучению процесса эволюционирования

казачества вполне согласуются, например, с точкой зрения Ю.Г. Недбая по этому поводу. Он отмечает, что степень разработанности казачьей проблематики к настоящему времени не может еще считаться удовлетворительной. На его взгляд, необходимо подойти к исследованию истории казачества не в отрыве, а в контексте общего исторического развития России [4, с. 58–59]. Целесообразно рассматривать казачество как естественное, необходимое и в то же время оригинальное явление, порожденное спецификой российской истории и только ей присущее. И он же подчеркивает мысль, что иначе мы никогда не сможем объяснить того явления, почему казачество возрождается в масштабах страны на исходе «космического» века.

Представленная нами таблица в относительно сопоставимом хронологическом масштабе наглядно свидетельствует, в контексте наших логических рассуждений, о наличии ряда важных характеристик, которые, на наш взгляд, допускают определенную интерпретацию этой картины. Во-первых, сопоставление разновеликих и разнокачественных объектов (российское государство, российское казачество, сибирское казачество) во временном масштабе свидетельствует о факте наличия разновременных, сокращающихся циклов социально-исторического развития этих объектов как взаимосвязанных, соподчиненных социальных систем. Наиболее продолжительные циклы присуши

макросистеме (государству). Хронологический сдвиг начала линейных шкал истории казачества позволяет говорить о более позднем возникновении этих подсистем.

Во-вторых, можно заметить регрессионную закономерность сокращения циклов на сопоставимых этапах при переходе от более высокого к более низкому уровню значимости социальных объектов. Кроме того, сам по себе сдвиг социально подобных циклов и разница в продолжительности циклов наглядно подтверждают справедливость наших предположений о проявлении закона гетерохронии в различных социально-исторических процессах.

В-третьих, очевидно, можно предположить, что сокращение времени циклов систем и подсистем означает проявление в какой-то степени вероятностных законов теории относительности, проявляющихся в масштабе пространства-времени-движения и в сфере социального, в том числе эффект сокращения, уплотнения социального времени и социального пространства, связанных с динамическими характеристиками социально-исторических процессов (движения). Возможно, для социальной системы Российского государства существовал некий двухсотлетний (± 20) критический параметр темпов развития. Увеличение темпов развития привело к сокращению этого цикла, разрушению системы, ее реструктуризации.

Таблица 1

Продолжительность этапов становления российской государственности, социальной организации всего казачества и социальной организации сибирского казачества

500 лет 700	1200	250 лет 1450	217 лет 1667	194 года 1861	56 1917	73 1990	10
480 лет 900	1380	170 лет 1550	121 год 1671	38 1709 12 1721 54 1775 37 1812 93 1905	31 1936 20 1956	34 1990	10
			135 1580 1715	93 1808	53 1861 20 1881 36 1917 5 1922 23 1945 45 1990		10

Хронологическая шкала времени

VIII век

XXI век

Примечание к таблице 1: верхняя строка – годы, количество лет; средняя строка – годы, количество лет; нижняя строка – годы, количество лет.

Видимо, сохраняя инерцию дальнейшего развития, эта система должна адаптироваться к новому темпу жизни в пределах нового цикла и привести в согласование свои видоизменившиеся подсистемы. Для циклов развития казачества такой критической продолжительностью являлся, возможно, 120-летний цикл (± 10). Для сибирского казачества, регионально гомогенного, эта продолжительность, видимо, оказывается еще более сокращенной, порядка 100 лет (± 10).

Попытавшись объяснить объективную и гетерохронную связь Российского государства и казачества лишь в одном из аспек-

тов проявления многопланового процесса их социально-исторического эволюционирования, мы делаем гипотетико-индуктивное заключение о правомерности применения структурно-гетерохронного анализа и к другим проявлениям социальных изменений.

Для более полного и широкого представления результатов применения данного метода анализа потребуется набор и сопоставление множества социальных признаков исследуемого объекта. Проблематичной остается полнота и достоверность информации в столь объемном масштабе: Российское государство-казачество.

Литература

1. Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Социология, ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр.; Сост. А.Б. Гофмана. М., 1995.

2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995.

3. Шульдяков В.А. Сибирское казачье войс-

ко: основные этапы развития (тезисы к дискуссии) // Казачество: история и современность; Матер. науч.-практ. конф., 20-21 дек. 1996 г. Омск, 1996.

4. Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири 1582-1808 гг.: Краткие очерки; В 4-х ч. Ч. 1. Омск, 1996.